problemy pis'mennoj kommunikacii: cb. nauch. st. Kujbyshev, 1985. S. 112–122.

22. Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij / pod red. N. Abramova. M.: Rus. slovari, 1999.

23. Uspenskij B.A. Antipovedenie v kul'ture Drevnej Rusi // Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija. M.: Nauka, 1985. S. 326–336.

24. Utkina A.V. Kognitivnye modeli komicheskogo i ih reprezentacii v russkom i anglijskom jazykah: dis. ... kand. filol. nauk. Pjatigorsk, 2006.

25. Fedosova O.V. Osobennosti prirody smeha v ispanskoj razgovornoj rechi // El idioma español en el ámbito de la enseñanza, la ciencia y los negocios en el mundo globalizado: materialy Mezhdunar. konf. ispanistov. Krasnojarsk, 15–16 sent. 2009 g. Krasnojarsk: IPK SFU, 2009. S. 75–84.

26. Fedosova O.V. Poslovicy i pogovorki kak chast' smehovogo potenciala ispanskoj lingvokul'tury // Antropologicheskaja lingvistika: sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Krasavskogo. Vyp. 13. Volgograd: Kolledzh, 2010. S. 164–176.

27. Fedosova O.V. Leksiko-pragmaticheskie osobennosti sovremennogo ispanskogo obihodnogo diskursa v nacional'no-kul'turnom aspekte: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. M., 2012.

28. Diccionario de la Lengua Española Real Academia Española (DRAE): en 2 vols. 22 ed. Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 2001.

29. Diccionario Manual de Sinónimos y Antónimos de la Lengua Española / red. C.Planas Vilafranca, C. Morales Ruiz, D. Moran Pérez [et alli]. Barcelona: LARROUSSE EDITORIAL (VOX), 2007.

30. Diccionario de Sinónimos y Antónimos. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2006.

31. Dichos populares [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.ciudadreal.es/varios/dichos/c.php.

32. Martínez Calvo L. Diccionario Español-Ruso. Barcelona: Editorial Ramón Sopena, 1982.

33. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual. Locuciones y modismos / dir. por M. Seco. 2ª ed. Madrid: Aguilar Lexicografia, 2007.

34. Refranes populares [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.refranes.org.es/.

National and cultural peculiarities of the concept “laugh” in the Russian and Spanish linguistic cultures

The linguocultural concept “laugh” is regarded in the comparative aspect on the basis of the Russian and the Spanish languages. There are found out the basic antinomies of the concept and revealed its national peculiarities.

Key words: *linguocultural concept “laugh”, Spanish linguistic culture, Russian linguistic culture.*

Е.И. АЛЕЩЕНКО
(Волгоград)

БОЛГАРСКИЕ СКАЗКИ О САМОВИЛАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рассматривается мифоконцепт «самовила», характерный для болгарского сказочного фольклора. Структура мифоконцепта включает понятийный, образный и аксиологический уровни, которые могут отличаться от соответствующих уровней общекультурного концепта. Анализируются особенности, присущие исключительно названному персонажу, и его противоречивость.

Ключевые слова: *мифоконцепт, лингвокультурология, понятийный, образный, аксиологический уровни концепта.*

В сказочном фольклоре любого этноса присутствуют персонажи, которые являются характерными только для него. Они представляют собой мифоконцепты, которые хорошо знакомы каждому носителю языка. В его сознании сказочные существа олицетворены, наделены характерами и функциями. В работе Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» содержатся словарные статьи, посвященные таким персонажам русского сказочного фольклора, как Баба-яга и Кощей Бессмертный [6, с. 850, 855]. Подобные существа характеризуются тем, что, хотя, естественно, в реальности их никто не видел, каждый носитель языка узнает их на иллюстрации и сможет рассказать об их нравах. Таким образом, оценочная и образная составляющие у мифоконцептов представлены в полной мере, понятийная же имеет определенные особенности, связанные с тем, что сущности, о которых идет речь, ирреальны.

Подобные герои есть и в балканском фольклоре. У южных славян это самовилы, самодивы, или вилы. Они представляются в виде красивых длинноволосых девушек, в белых одеждах и босых. Часто у них есть крылья, во всяком случае, они обладают способностью летать. Самовилы хорошо поют и любят танцевать. Часто появляются у воды, где купаются и моют волосы. Вила, которая приобретает облик вихря, называется у болгар *юда*. Такой ветер может унести человека.

Отношения с людьми у самовил довольно сложные. С одной стороны, они могут нанести

© Алещенко Е.И., 2015

им вред: убить, искалечить, наказать слепотой и др., с другой – помогать. Самовилы уносят людей к себе в горы. Это могут быть и мужчины, и женщины, и дети. Человек, которому помогает самовила, приобретает сверхъестественные черты. Особенно это касается детей, взращенных самовилами или рожденных ими, а также мужчин, с которыми они вступили в любовную связь [4, с. 76–77].

Местами обитания вил исследователи называют удаленные от людей горы, скалы, горные пещеры и ямы под землей; горные озера и источники, реже – небо, тучи, ветер. Особое свойство вил – музыкальность: они постоянно поют, водят хороводы, играют. «Вилы в целом добры к человеку: они приносят счастье, урожай полям и садам, одаривают людей золотом, серебром, деньгами; помогают в хозяйственных делах, заботятся о детях-сиротах; избавляют людей от болезней, лечат, врачуют раны» [5, с. 370]. Если отнять у вил крылья, они теряют способность летать и становятся простыми женщинами. «Если разгневать вилу, она может жестоко наказать, даже убить одним своим взглядом. Вилы умеют лечить, могут предсказывать смерть, но и сами они не бессмертны» [3, с. 236]. Таковы данные этнологов и культурологов. Попробуем найти им подтверждение в конкретных сказочных текстах.

В сказках «На самодива вяра не хващай» и «Заключеното крило» говорится о самодивах, которые вышли замуж за земных мужчин. В первой из них муж держит свою жену-волшебницу взаперти, а во второй заключает одно из ее крыльев в легкий сундучок. Когда у них рождаются дети, самодивы пытаются освободиться, упирая на то, что от ребенка они никуда не денутся.

Родило им се момченце. Дошло ред да го кръщават и Гюргя рекла на Димо:

– Отключвай всички ключове, да се приготвим гости да посрещнем, детето да кръщаваме! Къде ще побегна, като дете съм родила? Най-верен ключ то ще ми е («На самодива вяра не хващай»).

Ивановата невеста родила момченце. Поканили кумовете да кръстят детето, надошли гости. Хапнали, пийнали, развеселили се и рекли на самовилата да им поиграе малко хоро самовилско.

– Тъй не мога да играя, крилото ми е заключено – отвернала тя и взела да се моли на мъжа си: – Моля ти се, отключи ме! Ако мислиш, ч еще бягам, всичките врати, прозорци преди това затворете («Заключеното крило»).

Но едва им удается освободиться, самодивы бегут, говоря своим мужьям, что у них не бывает семей.

– Що ти трябваше, Иване, да си вземаш самовила. Самовила дом не върти, самовила къща няма.

«Но в сърцето обич свива» – помислил си Иван и дългл-дълго гледал тъжно нагоре, към високата планина… («Заключеното крило»).

– Друг път на самодива вяра не хващай! е («На самодива вяра не хващай»).

– Налит и казах, Стояне, че самодива не може дом да събира или пък свои деца да отгледа («Самодивските дрехи»).

Славяне считали, что вилы смертны, но отличаются большой силой и при этом невесомостью: они ходят очень легко или летают на своих крыльях. В быличках отражается вера в то, что если отнять у самовилы крылья или ее одежду, то она потеряет способность летать и станет обычной женщиной [7, с. 170]. Однако в приведенных выше примерах мы видели, что самовилы при первой возможности стремятся вернуть отнятое и улететь.

Самовилы крадут людей по разным причинам. Мужчина им бывает нужен как музыкант:

Хванали се да играят хоро самодивите навръх планината, на самодивската поляна. Играели и си пели, тъй като нямало кой да им свири. И рекли да изпратят най-чевръстата самодива свирач да им доведе е («На самодива вяра не хващай»).

… момъкът ѝ рекъл:

– Най-добре е, самовило, с тебе да се обзаложим. Аз свирач съм, ти играеш. Пък облогът да покаже: ако ти ме надиграеш, а не смогвам да ти свиря, прави с мен, каквото си искаш! Ала ако те надсвиря и не можеш да играеш, ще загинеш ти тогава.

«Да надсвири самовила някакъв овчар, а тя да не му смогне да играе? Де се чуло и видяло? – тъй си мислела горката и облога му приела («Облог със самовила»).

Вечерта самовилите надошли около камъка и взели да викат:

– Хайде, Димитре, хайде пак излез да и посвириш!

Излязъл Димитър и надул кавала. Завъртяло се самовилското хоро. Нямали умора горските щерки, всяка нощ играели така, докато пукне зората («Откраднатият годеник»).

Но самовила может украсть и влюбленного в нее юношу, унести с собой, а не оставаться в его доме:

Чак тогава момата приближила, грабнала го през кръста и литнала с него в небесата. Летяла и му говорела:

– Хайде да видим, Стояне, кое ще бъде по-силно – горските билки на майка ти, дето развалят магия, или очите на либето, дето магията правят («Омайната китка»).

Примечательно, что женщину самовилы могут украсть в наказание:

Седнала хубава Стойна да крои бяла риза за мъжа си и свилено елече за себе си тъкмо на Велики четвертък. И както си крояла на чардака, видяла да се вият в небето три силни вихрушки. Приближили я, грабнали я и я отнесли на самовилските поляни. Не били три силни вихрушки, а три планински самовили.

Оставили я посред самовилското хоро, което вече се виело, и я накарали да се хване и тя да играе («Наказание»).

Заметим, что наказана была героиня за то, что занялась рукоделием в Великий четверг. Самодивы оказываются орудием наказания за непочитание церковных праздников и в других сказках.

Тръгнал Иван да оре на Великден. О насред пътя го срещнала самовила и му рекла:

– Върни се, Иване! Не ходи на Великден на оране! («Заключеното крило»).

Однако иногда они лишь оправдывают свою жестокость тем, что человек должен быть наказан за свою непочтительность по отношению к Святым дням.

Тогава горската жена се ядосала, че девойката я превъзхожда и не ѝ се подчинява, извадила черните ѝ очи, откъснала от раменете белите ѝ ръце и от коленете бързите ѝ нозе. Не могла да се примири с такава човешка хубост.

И си намерила оправдание за грозното деяние:

– Ето ти, за да запомниш как се везе на Великден! («Няма прошка за хубост»).

Несмотря на то, считается, будто самовилы могут и помогать людям, те их расценивают как прежде всего враждебных существ. Недаром в уже упомянутой сказке «Облог със самовила» музыканты просят, чтобы она не уносила их с собой, т.к. у них есть семьи. И только самый младший из них решается побиться с самовилой об заклад, а когда та начинает ослабевать и просит уже его о пощаде, юноша отказывается, т.к. видит в ней исключительно злую силу. Между тем самовила просит о пощаде ради своей матери:

– Не погубвай ме, овчарю, че и аз майка имам! Майка ми за мен ще плаче.

Знаел вече овчарят, че отскубне ли се, самовилата ще избяга, а после ще примами и погуби друг. Знаел той, че такива като нея нямат милост, и затуй рекъл:

– Чуй ме, юдо, самовило, вместо после да разплачеш други майки, по-добре е само твоята да плаче. По-добре е да е можеш никому пак зло да правиш! («Облог със самовила»).

В сказке «Самодивските дрехи» самовила тоже просит вернуть ей одежду ради своей матери:

– Дай ми, Стояне, дрехите, че съм една аз на майка. И за син, и за дъщеря («Самодивските дрехи»).

В сказке «На самодивското кладенче» мать самовилы является одной из героинь. Вступившая в любовные отношения с земным юношей самовила видится с ним лишь ночами, потому что мать не велит ей видеться и говорить с людьми. У пары уже родился ребенок, и тогда самовила велит мужу обманом выманить у ее матери волшебные вещи, которые помогут им соединиться. Мать разгадывает хитрость дочери, но хочет, чтобы она была счастлива, а потому отпускает ее в мир людей, к мужу:

– Зная какво ще ми искаш. Хитра е дъщеря ми, ала и аз съм с ума си – скоро света ще напусна и искам тя да живее щастлива. Щом дъщеря ми желае, нека да бъде сред хората!..

– ... Нищо насила не става. Ето, премахах магията. Вече живей както искаш. От магията самодивска то те освобождава. Няма защо да се луташ между два свята различни. Обич не се разделяя («На самодивското кладенче»).

Самовила-мать даже понимает и разделяет материнскую тоску украденной молодой женщины и обещает ей посетить ее ребенка, если уж она не может отпустить юную мать домой, к семье:

– Не плачи, недей, невесто! Във вятър аз ще се превърна, при детето ти ще мина люлката да полюлея, трябва ли, да го повия («Наказание»).

И завершается сказка замечанием о том, что все матери в мире одинаковы:

И още нещо: как и в човешкия, и ечовешкия свят майките се разбират («Наказание»).

Необходимо отметить, что, несмотря на утверждения исследователей, из двенадцати проанализированных нами сказок лишь в одной из них самовилы помогают человеку (при этом сами таким образом освобождаются от некоего заклятья). Героиня сказки «Чудодейната жътва», обиженная попреками свекра и свекрови, побилась с ними об заклад, что одна за день сожнет поле, которое пахали три дня тремя парами буйволов и одной парой волов.

После помолила всичките неземни сили да ѝ помагат и започнала да жъне («Чудодейната жътва»).

Молодой женщине удается выполнить свое обещание, а силами, которые ей помогали, оказываются самовилы, которые являются ей после работы в виде трех волков и начинают расспрашивать, сама ли она выполнила эту работу.

Зарадвала се, че има на кого да благодари, и им рекла:

– Нито самичка зажънах, нито самичка ожънах. Един ми сърпа държеше, друг ми снопите връзваше, трети ми детето бавеше…

–… Права си – казали вълците и начаса се превърнали в три диви, три самодиви. – Ако не беше признала, че ние смет и помогнали, вълци щяхме да си останем и горко на детето ти («Чудодейната жътва»).

Во всех же остальных сказках, исключая сюжеты о любви самовилы и земного мужчины, они выступают как сила, враждебная человеку. Они завидуют людям и потому вредят им, как в сказках «Вълшебният кавал» и «Няма прошка за хубост». В первой из них самовила рассердилась на овчара за то, что он чудесно играл на своей свирели, и ей стало досадно, что человек может играть такую волшебную музыку.

Свирел Стоян на стадото си със сладкогласния си кавал и то се събирало около его и го слушало като омаяно. Една самовила излязла от Дунава и чула вълшебните звуци. Ядосала се, че овчарят свири така хубаво, че човекът е такъв вълшебник, и за дум у покаже своята сила, пратила му дрямка и стоя заспал. Прогонила стадото му, то се разбягало и миало чак през Дунава, та го разграбили влашките овчари («Вълшебният кавал»).

Между тем ее роль в сказке на этом заканчивается, и даже когда овчар обращается к Солнцу, Месяцу и Утренней звезде, они не говорят ему, кто разогнал стадо, а пытаются помочь его разыскать. И собирает он его с помощью своей музыки – как раз того, что вызвало зависть у самовилы.

В сказке «Няма прошка за хубост» зависть у самовилы вызывает красота героини.

Тъкмо седнала под трендафила, и изневиделица през раменете я прегърнала самовила:

– Стани, Стао, дай ми хубост от твоето бяло лице!

Сепнала се девойката, но ѝ предложила да я дари от своето бяло платно.

Не пожелала самовилата нищо, което се прави от човешка ръка, и поискала от девойката пламък от нейните черни очи.

И този път тя ѝ предложила друго: тъканото от нея бяло рухо.

Но самовилата ѝ отвърнала, че ако иска, тя може да облече с такова рухо всички дъбове в гората. И пожелала прелест от Станиното бяло гърло.

Не давала Стана от хубостта си и предложила на самовилата скъпия си кован гердан («Няма прошка за хубост»).

За отказ, как мы уже упоминали выше, она калечит девушку, а оправдывает свою жестокость тем, что Стана села вышивать на Пасху.

И наконец, в сказке «Самовилски роби» самовила требует от селян в качестве выкупа детей-близнецов, двух мальчиков, двух девочек и двух девушек-невест. Иначе она грозится поджечь село и всех погубить. Крестьяне испугались, но предложили взамен домашний скот, потому что: *Знаели, че когото пратят при самовилите, не го чака нищо добро* («Самовилски роби»). Разгеванная самовила (у которой, кстати, в сказке есть имя – Стана, что характерно не для всех сказок) забрала, наслав вихри, не по два, а по сто человек. Они стали самовильскими рабами.

Накарала невестите да везат везмо със златна сърма, юнаците – да пренасят камъи, момчетата – да свирят на свирки, девойките – да пеят песни. А малките деца трябвало да събират билки и да ѝ ги носят («Самовилски роби»). Одна из девочек, Радка, обманом забирает у самовилы лук и стрелы и убивает ее.

Момичето не тръгнало към село, а сложило еда стрела и опъало лъка като да го опита. Целело се в едно дърво, но изведнъж се обърнало и пуснало стрелата право в сърцето на самовилата.

Така Радка освободила всички самовилски роби да се завърнат по домовете си («Самовилски роби»).

Таким образом, самовила, несмотря на свое неземное происхождение, может погибнуть от человеческой руки.

Отметим еще несколько, на наш взгляд, важных черт, приписываемых самовилам, которые были выделены нами в процессе анализа сказочных текстов. Так, в двух из двенадцати сказок самовилы носят имена: Гюргя в сказке «На самодива вяра не хващай» и Стана в сказке «Самовилски роби». Сюжет первой строится на женитьбе земного юноши на самовиле. Однако в других сказках на подобный сюжет имена носят только мужья самовил. Вероятно, в данном случае именование самовилы связано с тем, что ее выбирают как одну из многих, чтобы она выполнила задание: доставила самовилам музыканта. А после они обещают музыканту в награду именно Гюргю. И Димо выделяет ее из других, она понравилась ему. В сказке же «Самовилски роби» самовила ведет себя как полновластная хозяйка, властительница села, которая имеет право на выкуп, а иначе грозится погубить жителей. Такое самовластие, вероятно, и требует имени собственного.

Самовилы боятся некоторых трав. Вот совет и «рецепт», которая мать дает своему сыну, подозревая, что ему вскружила голову самовила:

– Послушай, сине, майка си. Чуй какво ще те науча: ще тръгна и ще ти набера от девет гори горицвет и от момини градини горчив пелин, вратика и комунига. Тайно ще ги зашия в калпака ти и в пояса и ти при нея ще идеш. Ако тя тръгне към тебе, значи е мома истинска. Ако веднага побегне, значи е самодива («Омайната китка»).

Но при этом не чужда самовилам любовь к вкусной еде. Так, хлеб и мед, которые им принесли мать и невеста украденного Димитра в надежде, что самовилы его освободят, они называют своим любимым угощением:

Когато самовилите дошли, видели любимата си гощавка и всичко изяли.

– Чудесно се нагостихме! Този, който така ни зарадва, ще получи всичко, което поиска – рекли те («Откраднатият годеник»).

При этом, когда мать просит вернуть ей сына, они пытаются, сдержав слово, все же навредить при этом людям.

– Да ѝ го върнем, защо да не ѝ го върнем? Толкова нощи вече ни свири на хорото! – зашепнали се една на друга.

– Да ѝ го дадем, но мъртъв! – рекла тогава една. А пък друга казала:

– Няма защо да го убиваме. Нека само му скършим ръцете и нозъте.

– Защо ръцете? Как ще свири? Нали с тях държи кавала – намесила се трета. – Нека само да му извадим очите.

Тогава най-старата самовила, чиято дума трябвало да се чуе последна и да се послуша рекла:

– Нима така ще се отблагодарите на горката майка за хубавата гощавка и на Димитър за чудесната свирня? Ще го върнем жив и здрав, така както го взехме!

Другите е посмели нищо да кажат… («Откраднатият годеник»).

Как видим, старшая самовила взывает к совести тех, кто хотел отправить музыканта домой мертвого, без рук и ног или без глаз. Ее слово является законом. Упоминание о старшей из самовил встречается в сказках «Наказание» и «На самодивското кладенче». Однако и старшая из самовил не всесильна: так, в сказке «Наказание» она, даже посочувствовав украденной молодой женщине, не может отпустить ее.

Майка била старата юда. Разбирала я, но не можела да ѝ помогне. Да я освободи. Затова само ѝ рекла:

– Не плачи, недей, невесто! Във вятър аз ще се превърна, при детето ти ще мина люлката да полюлея, трябва ли, да го повия («Наказание»).

Как и другие представители «иного» мира, самовилы исчезают при крике первых петухов – такие эпизоды есть в сказках «На самодивското кладенче» и «Откраднатият годеник». Однако, например, в сказках «Омайната китка», «Няма прошка за хубост», «Заключеното крило», «На самодива вяра не хващай», «Самодивските дрехи» и др. они появляются и днем.

У самовил есть особая одежда, в которой заключается магическая сила: они боятся ее потерять, т.к. она позволяет им летать, вырываться на свободу.

Засвирил Стоян. Засвирил както преди, а самодивските поляни. Но невестата му не

заиграла както тогава. Не заиграла със самодивски стъпки, а си стъпвала по човешки.

– Защо не стъпваш, кумичке, със стъпките си самодивски, а като нас се опитваш? – попитал я кумът.

– С тези си дрехи не мога по самодивски да стъпвам…

… Ала щом облякла самодивския си сукман и пристегнала зеления си колан, невестата му мигом се преобразила. Нещо странно светнало в очите ѝ. Завъртяла се бързо, плеснала с ръце, литнала и изхвръкнала през комина. А на покрива на къщата свирнала по самодивски… («Самодивските дрехи»)

Итак, подводя итог, можно предпринять попытку систематизировать представления о самовилах (самодивах) как персонажах южнославяского сказочного фольклора, которые отсутствуют в системе русских фольклорных персонажей. Представим самовилу как мифоконцепт, отразив предметный, образный и аксиологический уровни. При этом необходимо учитывать их особенности, во-первых, как уровней фольклорного концепта, а во-вторых, как уровней мифоконцепта. Результаты представлены в таблице.

Понятийный уровень	
Самовила	Женский персонаж болгарского сказочного фольклора, обладающий волшебной силой
Образный уровень	
Внешность	Красивые девушки, иногда с крыльями. Носят одежду, которая помогает им творить чудеса
Место обитания	Горы, иногда леса
Любимые занятия	Танцы и пение, купание в реке или озере
Любимые блюда	Хлеб и мед
Волшебные свойства	Умеют летать, обращаться в вихрь, ветер. Способны колдовать
Отношения между собой	Дружны, подчиняются самой старшей из них
Бессмертие	Смертны
Аксиологический уровень	
Характер	Жестоки, завистливы, эгоистичны
Отношение к людям	Могут помогать и быть справедливыми, но чаще вредят людям: крадут их, пытаются отнять у девушек их красоту. От встреч с ними люди не ожидают ничего хорошего
Семья	Могут влюбляться в земных юношей и выходить за них замуж. Но при этом сами говорят о себе, что у самовилы не бывает дома и она не нянчит детей
Материнские чувства	Могут иметь детей, но, если они рождены от земного мужчины, самодива может оставить их, если предоставляется возможность вернуться к жизни среди самовил. Слушают своих матерей, которые любят их и желают добра. Понимают материнские чувства земных женщин

Таким образом, как и у других мифоконцептов, понятийный уровень мифоконцепта «Самовила» отражает представление о ней как фольклорной, мифической героине, позволяя понять, что это женщина, владеющая волшебной силой и не относящаяся к миру людей. Образный уровень содержит сведения о внешности самовил, их местожительстве, вкусах и пристрастиях, волшебных свойствах. Аксиологический же уровень показывает неоднозначность отношения людей к самовилам. Полагаем, что средоточием его может служить цитата из сказки «Самовилски роби»: *Знаели, че когото пратят при самовилите, не го чака нищо добро.* При этом самовилы проявляют и доброе отношение к людям. Однако, понимая, что это существа из другого, опасного, мира, люди предпочитают не вступать с ними в контакт. Разумеется, как обычно и происходит в жизни, иной раз эти намерения не удается исполнить.

Список литературы

1. Български народни вълшебни приказки. София: Дамян Яков, 2004.
2. Български народни вълшебни приказки за змейове и самодиви. София: Дамян Яков, 2004.
3. Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 2003. Т.1.
4. Славянская мифология: энцикл. словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002.
5. Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А-Г. М., 1995.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования М.: Акад. Проект, 2004. – 992 с.
7. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель: АСТ: Рус. словари, 2003.

* * *

1. Blgarski narodni vlshebni prikazki. Sofija: Damjan Jakov, 2004.
2. Blgarski narodni vlshebni prikazki za zmejove i samodivi. Sofija: Damjan Jakov, 2004.
3. Mify narodov mira: jencikl.: v 2 t. / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sov. jencikl., 2003. T.1.
4. Slavjanskaja mifologija: jencikl. slovar' / otv. red. S. M. Tolstaja. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2002.
5. Slavjanskie drevnosti: jetnolingv. slovar': v 5 t. / pod red. N.I. Tolstogo. T. 1: A-G. M., 1995.

6. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija M.: Akad. Proekt, 2004. – 992 s.

7. Shaparova N.S. Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii. M.: Astrel': AST: Rus. slovari, 2003.

Bulgarian fairy tales about samovilas as the reflection of the folklore world picture

There is considered the myth concept "Samovila" characteristic for the Bulgarian fairy tale folklore. The structure of the myth concept includes conceptual, figurative and axiological levels which can differ from the appropriate levels of a general cultural concept. There are analyzed the features typical only to the character, and his discrepancy.

Key words: *myth concept, lingvoculturology, conceptual, figurative, axiological levels of a concept.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

С.В. СОЛОДКОВА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О МОТИВЕ «ДОБРЫЙ ВОИН» В ПОЭЗИИ А. К. ТОЛСТОГО

Впервые в творчестве А.К. Толстого выявлен сквозной мотив «добрый воин», обладающий религиозно-философскими и эстетическими коннотациями. Магистральный мотив является определяющим для понимания религиозно-философского мировоззрения поэта, эстетической концепции и идейно-художественного своеобразия творчества в целом.

Ключевые слова: *А.К. Толстой, мотив «добрый воин», религиозно-философская поэзия.*

Мотивный комплекс предназначения поэта и поэзии в творчестве А.К. Толстого невозможно рассматривать, оставив без внимания такую ключевую формулу, как «добрый воин» в раннем стихотворении «Поэт» (1840-е гг.): «Жизни ток его спокоен, // Как река среди равнин, // Меж людей он добрый воин // Или мирный гражданин» [2, т. I, с. 56]. Можно было бы предположить, что это словосочетание употреблено в привычном, прямом значении – военная служба. Но подобная трактовка противоречит биографии и творчеству выдающегося русского лирика. Известно, как тяготился граф Толстой собственным положением в обществе, обязывающим вести активную светскую жизнь. Сам он никогда не помышлял ни о военной, ни о чиновничьей карьере, хорошо сознавая свое истинное предназначение: *Я родился художником*… [Там же, т. IV, с. 53] (здесь и далее курсив А.К. Толстого. – *С.С.*)]; «Помоги мне жить вне мундиров и парадов. …В моей личной жизни я хочу жить *искусством* и во имя *искусства.* Моя натура возмущается при одной мысли, что ее хотят вытолкнуть на другую дорогу» [Там же, с. 84].

Аристократ, блистательный вельможа, друг детства императора, он неожиданно для всех оставляет военную и статскую службу, чтобы отдаться главному делу своей жизни – служению искусству. В официальном письме Толстой писал Александру II: «Государь, служба, *какова бы она ни была*, глубоко противна моей натуре; …*Служба и искусство не совместимы*» [2, т. IV, с. 139].

Все эти биографические перипетии нашли непосредственное отражение в творчестве А.К. Толстого. Так, проблема выбора между службой и искусством поднимается в поэме «Иоанн Дамаскин» (1858). Глубоко личная мотивировка идейной оппозиции «калиф» – «певец» была сразу же услышана современниками (поэма появилась в журнале «Русский вестник» за 1859 г., № 1) и не вызывает сомнения и по сей день. В обращении певца к калифу Толстой выражает свое представление о назначении поэта: «**Служить Творцу его призванье;** // Его души незримый мир // Престолов выше и порфир» (здесь и далее по тексту жирный шрифт мой. – *С.С.*) [Там же, т. I, с. 515].

Решая вопрос, какой смысловой пласт стоит за поэтической формулой «добрый воин» в стихотворении Толстого, мы обнаружили его христианские, в частности библейские, истоки. В «Первом послании к Тимофею святого апостола Павла» находятся прямые текстовые переклички: «Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как **добрый воин** имея веру и добрую совесть...» (1 Тим., гл. 1, ст. 18–19). В новозаветном контексте «добрый

© Солодкова С.В., 2015